

Вырезка из журнала

ТЕАТР

№ 3

1952

ФЕЛЬЕТОН

А. РАСКИН

Исчезнувший тореадор

Цыганку Кармен убивают много лет подряд во всех оперных театрах страны за ее любовь к тореадору. Но, пожалуй, нигде эта любовь не подвергалась таким ужасным испытаниям, как в Ростове-на-Дону. Совершенно невероятная история, случившаяся в этом городе с тореадором, заслуживает того, чтобы быть рассказанной в виде специального оперного либретто, со всеми особенностями этого жанра. Ибо это — вполне самостоятельный оперный сюжет в четырех действиях с драматической кульминацией и финалом.

Нам посчастливилось раздобыть недавно старинное либретто оперы Бизе «Кармен», на язык которого мы и попытаемся переложить события, имевшие место в городе Ростове.

Итак...

В город Ростов приезжает на гастроли Свердловский театр оперы и балета им. Луначарского. В его репертуаре опера «Кармен». В день спектакля выясняется, что артист Болдырев не подготовлен к партии Эскамильо и петь не может. Он сообщает об этом в следующих словах (на известный мотив):

Петь, друзья, сегодня я не буду,
Тореадор артисту, вдруг, не брат...

Общее волнение в театре:

О чем толкуют? Чего бушуют?
Все оттого, что близок час...

Да, час спектакля близок. В последнюю минуту выясняется, что есть в городе Ростове некто Корсов, который уже давно не поет, но, по слухам, пел когда-то. Действие переносится в квартиру Корсова. Все действующие лица оперы во главе с Кармен в костюмах и гриме врываются к Корсову и убеждают его петь партию тореадора.

«Ни угрозой, ни мольбой помочь нельзя Другой молчит...», — поет ему Кармен.

В общем, вся надежда на него одного. И Корсов решает:

Роль, друзья, охотно принимаю,
Тореадор? Да мне сам чорт не брат!
Я лишь того артиста уважаю,
Что выступать всегда готов и рад!

Общий восторг. Все бегут в театр. В дверях Корсов поет:

Любовь (к сцене. — А. Р.) свободна,
мир чаруя,

Законов всех она сильней;
Меня не любишь, но пою я,
Так берегись любви моей.

Этим он дает понять, что в случае чего может петь и партию Кармен. Восторг усиливается. Все уходят в театр.

...На сцене декорации второго действия оперы: «Кармен» — Харчевня Лилас-Пастья. Кармен поет и пляшет. Наступает тот момент, о котором в либретто «Кармен» сказано: «Овадия на улице возвещает приход Эскамильо — тореадора. Лейтенант подходит к нему и приглашает выпить с ним. Эскамильо приветствует присутствующих». За сценой страшное волнение. Говоря почти словами знаменитой арии:

Вдруг смолкает все мгновенно,
Смотрят все, едва дыша:
Корсов пущен уж на сцену,
К верной гибели спеша.

Вот поет он...

Поет Корсов так невыносимо скверно, что в театре начинаются «молва и крик, и спор, и брань». Возмущение зрителей столь велико, что приходится опустить занавес и прервать спектакль.

Действие последнее. В либретто «Кармен» о нем сказано: «Вход закрыт занавесом». Вот именно. За этим занавесом спешно принимается лихое решение: вымарать партию Эскамильо и продолжать «Кармен» без тореадора, так сказать, уж лучше ничего, чем Корсов.

Опера идет без тореадора. Тут бесстрастный тон либреттиста изменяет нам. В самом деле, с отважным тореадором в Театре им. Луначарского поступили хуже, чем с самым последним быком; того хоть убивают, а этого просто вымарали. К сожалению, нам известны только голые факты. Подробностей мы не знаем. Именно поэтому мы и позволили себе заменить речи действующих лиц предполагаемыми ариями из (или почти